

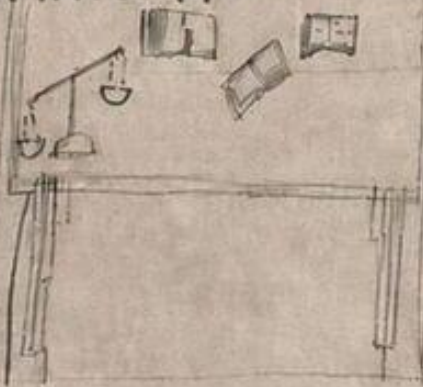
18+

Я: КЕМ Я ХОЧУ СТАТЬ?

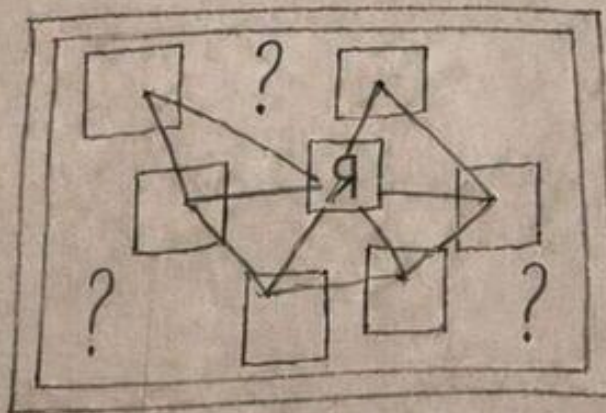
Я: СЧАСТЛИВЫМ.

Я: ЧТО ДЛЯ ЭТОГО НУЖНО?

Я: НАЧАТЬ ДЕЙСТВОВАТЬ.

ДИАЛОГ С СОБОЙ

АВТОР: АРТЁМ АРТЁМОВ

Артём Артёмов

Диалог с собой

«Издательские решения»

Артёмов А.

Диалог с собой / А. Артёмов — «Издательские решения»,

«Диалог с собой» — история человека, который однажды начинает слышать собственный внутренний голос. Память, детство, отец, старые фотографии и таинственная библиотека постепенно складываются в путь к самому себе. Но чтобы понять прошлое, герою предстоит встретиться с тем, от кого он долго пытался убежать, — с...

© Артёмов А.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Свобода, у которой нет цвета	6
Часть первая. Тишина среди людей	6
Часть вторая. Бессонница как дверь	7
Часть третья. Диалог с самим собой	8
Глава 2. Сила в клетке	9
Часть первая. Город, который пах дождём	9
Часть вторая. Три фигуры в комнате	10
Часть третья. Библиотека как побег	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Диалог с собой

Артём Артёмов

© Артём Артёмов, 2026

ISBN 978-5-0071-4148-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Свобода, у которой нет цвета

Часть первая. Тишина среди людей

Я не помню первые пятнадцать лет своей жизни. Совсем.

Не как туман, не как стёртую плёнку — а как чёрную дыру, в которую провалилось всё, кроме нескольких рваных картинок. Эти картинки не складываются в историю. Они как обрывки сна, который ты пытаешься рассказать утром, но вместо сюжета получается только «помню, что там был свет» или «помню запах, но не помню чего».

Раньше я думал, что так у всех.

Потом понял — нет. Люди помнят себя лет с пяти, с трёх, с года. У них есть дни рождения, первые шаги, первый страх, первое «я сам». У меня — ничего. Только ощущение, что что-то было, и это «что-то» пытается пробиться наружу, но не может. Как будто память заперта в комнате без ручки, а ключ я выбросил сам, но не помню — зачем.

Оставшиеся четыре года — с пятнадцати до девятнадцати — я помню уже иначе.

Потому что именно тогда ко мне пришло это ночное чувство.

Оно не было страхом. Не было тоской. Оно было... присутствием. Как будто кто-то садился на край кровати, когда я закрывал глаза, и начинал перебирать картинки. Чужие или свои — я не понимал. Просто перед внутренним взглядом вспыхивали лица, комнаты, места, сюжеты, книги, разговоры, которых у меня никогда не было. Я настолько проникался каждой, что постепенно они стали частью моей жизни. Как прошлое, которое я забыл. И которое теперь стучалось обратно.

Сначала это случалось только ночью, перед сном. Я лежал, смотрел в потолок и ждал. Иногда картинки приходили сами. Иногда я пытался их позвать — и тогда они превращались в хаос. Мозаику, которую невозможно собрать. Но хуже было другое: со временем это перестало быть ночным ритуалом.

Однажды я сидел в кинотеатре. Полный зал, сто человек вокруг, на экране стреляли и взрывали машины. Я смотрел ровно минуту, а потом моё внимание отцепилось от сцены — и провалилось внутрь. Внутри уже ждали. Картинки нахлынули такие яркие, что реальный мир померк. Я перестал слышать звук, забыл, где нахожусь. Вокруг было полно людей, но я был абсолютно один со своим сознанием.

И это, пожалуй, самое странное состояние, которое я знаю. Одиночество сознания не требует физической пустоты. Оно наступает даже в толпе. Особенно в толпе. Потому что когда все смотрят в одну сторону, а ты нет — ты исчезаешь для них. И они исчезают для тебя. Остаётся только ты и то, что живёт у тебя в голове.

В тот вечер в кинотеатре я испугался впервые. Не картинок. А того, как легко я потерял контроль над тем, куда смотрю. После такого я старался как можно реже появляться в шумных и людных местах.

Часть вторая. Бессонница как дверь

После того случая в кинотеатре я перестал спать нормально. Не то чтобы я спал хорошо раньше — но теперь бессонница стала моим постоянным соседом. Я ложился, закрывал глаза, и вместо темноты передо мной разворачивались целые миры. Они были слишком яркими, слишком детальными, чтобы быть просто фантазией. Но и слишком неправильными, чтобы быть воспоминаниями.

Я пробовал бороться. Пил чай на ночь, считал овец, слушал тихую музыку. Ничего не помогало. Картинки приходили снова и снова, как будто им было плевать на мои попытки их прогнать. Тогда я сделал то, что рано или поздно делает каждый, кто устал бороться с реальностью — я сдался. И попробовал управлять этим.

Однажды ночью, когда часы показывали три, а сон даже не думал приходить, я закрыл глаза и не стал ждать. Я позвал. Я не знал, кого зову. Я просто захотел увидеть что-то одно. Не хаос. Не мозаику. А одно место, которое было бы моим.

И оно пришло.

Передо мной предстала платформа. Огромная, бесконечная. Пол был из мрамора — холодного, гладкого, такого чистого, что в нём можно было увидеть своё отражение, если бы я посмотрел вниз. Но я не смотрел. Я смотрел вокруг. И не увидел ни стен, ни потолка, ни горизонта. Только серовато-белый свет, который шёл отовсюду и ниоткуда одновременно. Небо? Нет. Белая пустота? Тоже нет. Это была свобода. В том чистом виде, в котором её никто и никогда не видел. Свобода без страха, без границ, без «куда идти дальше». Просто пространство, которое принадлежало мне.

Единственными вещами в этом пространстве были библиотечные шкафы. Огромные, в три человеческих роста высотой. Тёмное дерево, резные углы, ряды корешков, которые уходили вверх так далеко, что верхних полок не было видно. Шкафы складывались в длинные улицы, улицы — в залы, залы — в целую библиотеку, которой по размеру нет равных в мире. Я стоял и смотрел, а потом подумал: «Сколько жизней надо, чтобы прочесть хотя бы одну треть от этого?»

Ответа не было.

Зато был он.

В центре этой бесконечной библиотеки стоял обычный письменный стол, а в кресле перед ним сидел Хранитель. С резкими чертами лица, рассеянным взглядом и пальцами, сложенными домиком. Я не знаю, почему именно он оказался хранителем всего этого добра. Но этот персонаж мне всегда сильно импонировал. Я считал его близким себе по духу — не потому, что я такой же гениальный, а потому, что мы оба любили тишину и логику в мире, где её почти не осталось.

Он не удивился моему приходу. Только поднял глаза и сказал одну фразу:

— А ты дольше, чем я думал.

С той ночи всё изменилось. Бессонница перестала быть моим проклятием. Она стала дверью.

Часть третья. Диалог с самим собой

Первое время я просто ходил по библиотеке. Без цели. Без системы. Я трогал корешки книг, проводил пальцами по мраморным перилам, поднимал голову вверх и пытался разглядеть, где кончаются шкафы. Они не кончались. Я проходил мимо одного зала, попадал в следующий — и везде было одно и то же: бесконечные ряды, холодный пол, тишина. И кресло с Хранителем в центре.

Я пробовал с ним говорить.

Сначала это было неловко. Я задавал простые вопросы: «Где я?», «Почему здесь так пусто?», «Ты настоящий?». Он отвечал коротко, не поднимая глаз. Иногда его ответы имели смысл. Иногда — нет. Но постепенно я понял, что дело не в нём. Дело в том, что я спрашиваю не того. Он — это я. А я не люблю отвечать на глупые вопросы.

Позже я связал эту библиотеку с хранилищем своей памяти. Догадка пришла неожиданно. Я смотрел на одну из полок и вдруг узнал корешок — не по названию, а по ощущению. Я знал эту книгу. Я её уже видел. Не здесь. В жизни. Она лежала на столе у бабушки, которую я не помню лицом, но помню запах её рук. И в этот момент всё щёлкнуло. Библиотека — это не фантазия. Это моя голова. А книги — это то, что я прожил, увидел, прочитал, почувствовал. Всё, что я забыл. Всё, что пыталось пробиться наружу.

Тогда у меня возник первый настоящий вопрос: могу ли я чистить эту библиотеку?

Я нашёл полку, где валялись книги в беспорядке. Толстые кожаные тома, потрёпанные журналы, выписки про науку и робототехнику. Детские журналы вроде «Простоквашино» и ещё какого-то, название которого я вспомнить не смог. Всё это было смешано в кучу, как будто кто-то — я — специально не хотел наводить порядок.

Я начал сортировать. Что-то поставил на полку ровно. Что-то — выбросил. Не знаю, куда оно упало. Просто разжал пальцы, и книга исчезла в белом свете.

Почувствовал я себя легче? Не помню. Зато помню, что сразу после этого вернулся к Хранителю и задал второй вопрос.

— Как в этом хаосе найти что-то нужное?

Он посмотрел на меня впервые за всё время. Не резко. Не дружелюбно. А так, как смотрят на человека, который задал правильный вопрос, но не готов услышать правильный ответ.

— Ты знаешь сам, что тебе нужно и как, — сказал он. — Нужно только вспомнить.

Я помолчал. Потом спросил с небольшим недовольством — мне показалось, что ему просто лень этим заниматься:

— А ты не можешь мне помочь?

Он усмехнулся. Я никогда не видел, чтобы он улыбался.

— Могу. Но ты должен сам научиться это делать.

Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, насколько глупо это звучит. Диалог между мной и мной. Один я заставлял меня придумать способ, которым другой я сможет брать книги. Но тогда это было серьёзно. И я понял главное: если это моё подсознание, то я не могу сказать себе то, чего я ещё не придумал. Хранитель не даст мне ответ — он только подскажет, где его искать.

Я надеюсь, что смог адекватно объяснить эту не слишком адекватную ситуацию.

С тех пор эти внутренние диалоги стали моим ритуалом. Я больше не боролся с бессонницей. Я ждал её. Я закрывал глаза и проваливался в библиотеку, чтобы узнать себя лучше. Порыться в книгах. Пройти между шкафами в поисках интересной информации.

А утром я просыпался другим.

Глава 2. Сила в клетке

Часть первая. Город, который пах дождём

Я не помню, как называлась первая улица. Я даже не уверен, что она была первой. Перезезды перемешали всё: города, квартиры, лица, запахи. Сейчас, когда я пытаюсь вытащить из себя то время, я вижу не последовательность событий, а слои. Как будто кто-то взял мою память, перемешал колоду и разложил её заново — но не в том порядке.

В самом нижнем слое — запах мокрого асфальта.

Он появлялся всегда за несколько минут до того, как я открывал глаза. В детстве мне казалось, что дождь живёт где-то внутри стены моей комнаты и выбирается наружу, когда хочет. Потом я понял — просто окно было плохо закрыто. Но ощущение осталось: мир начинается не со света, не со звука, а с этого тяжёлого, чуть сладковатого запаха нагретой воды и пыли.

Мы жили в городе. Большом или маленьком — я не могу сказать. В моей памяти город не имеет границ, как та библиотека из моего подсознания. Он состоит из переулков, которые я никогда не проходил до конца, из подъездов с яркими лампочками, из остановок, на которых никогда не останавливались автобусы. Я помню один перекрёсток. Там всегда горел жёлтый свет, никогда красный и никогда зелёный. Просто жёлтый, который мигал, как будто не мог решиться. Я стоял на том перекрёстке много раз, но не помню ни одного перехода. Только жёлтый свет и запах дождя.

Мы часто переезжали. Сначала в другую квартиру в том же городе. Потом — в другую страну. Потом обратно, но уже в другой район. Потом снова в другую страну. Эти переезды давались мне тяжело, и самое сложное — не прощание с друзьями, а отвечать на вопрос «Ты вернёшься?». Я всегда говорил «Да» не потому, что знал, что вернусь, а потому что хотел. Каждый раз я общался по переписке: сначала каждый день, потом раз в неделю, месяц, год — и пропадал. В одной из стран были постоянные дожди, но не такие тоскливые, как в той, где я сейчас живу. А другие дожди были всегда разными: тоскливыми, нежными, холодными, тёплыми и, главное, сочувствующими. Я смотрел и слушал дождь и чувствовал, что я не один.

Первые годы в новой стране дали мне почувствовать не страх и грусть, а детство, которое до этого у меня было, но вперемешку со слезами, голодом и ощущением несправедливости. Я легко заводил новые знакомства, если решался заговорить с кем-то. Как сейчас помню: неделю сидел дома, смотря на красивое футбольное поле, которого не было в старой стране, и очень хотел поиграть, но боялся. И вот когда мне купили мяч — далеко не самый хороший, но тот, который стал инструментом для моей социализации.

Он был лёгким и настолько некрепким, что порвался через несколько дней. Наверное, он подходил для детей до восьми лет, но не для подростка, игравшего с детства иногда с утра до вечера с людьми от 13 до 40 лет. Я час пинал этот мяч по воротам — и наконец появились первые друзья. Два брата — Вадим и Семён. Их объединяло только то, что они носили очки. Первый был немного вспыльчивым и темноволосым, второй — добрый, светловолосый и всегда весёлый.

Терпение было моим первым навыком выживания. Я учился сидеть тихо, не привлекать внимания, не задавать лишних вопросов. Если я маленький и незаметный, то, может быть, и кричать на меня не будут. Может быть, и ругань обойдёт меня стороной. Не обходила. Но привычка осталась.

Иногда, когда я просыпаюсь сейчас, я всё ещё пытаюсь быть незаметным. В пустой квартире. Где никто не ругается. Где нет долгов. Только я и тишина. И всё равно внутри сжимается.

Часть вторая. Три фигуры в комнате

Я не вырос в пустоте. Вокруг меня были люди. Но они были не как в книжках — не «семья» в кавычках, не «близкие», не «родные по крови». Они были скорее отдельными планетами, которые иногда сталкивались и оставляли вмятины друг на друге. И на мне.

Я долго учился их понимать. Потом перестал учиться. Потом понял, что понимать не обязательно — достаточно запомнить, кто из них от чего ломается.

Бабушка.

Она была «со слишком советским устоем» — так говорили взрослые, и я долго не понимал, что это значит. Потом понял: это значило, что она считала суп горячим, кровать заправленной, а детей — видимыми, но не слышимыми. Она не обнимала. Она не говорила «я тебя люблю». Она проверяла дневник и говорила: «Мог бы и лучше».

Она ругалась с мамой постоянно. Громко, хрипло, с привкусом старых обид, которые передавались по наследству как фамильное серебро — только серебра не было, а обиды были. Я не понимал, из-за чего они ссорились. Иногда из-за денег. Иногда из-за того, как воспитывать меня. Иногда просто так — как будто им обоим нужно было выпустить пар, и они выбирали друг друга.

Но при этом бабушка покупала мне вкусное. Конфеты, которые я ни у кого не просил. Пирожки, которые пахли детством, которого у меня не было. Однажды она принесла мне большую шоколадку — я запомнил, потому что это была не обычная, а с орехами, в золотой обёртке. Она положила её на стол и сказала: «Ешь, пока мама не видит». Я не понял, почему мама не должна видеть. Но я съел. И до сих пор помню этот вкус — горьковатый, с хрустом орехов, и ощущение, что это секрет, который делает меня особенным.

Я не понимал, как можно одновременно кричать на мою маму и гладить меня по голове. Потом понял: можно. Люди умеют делать две вещи сразу. Особенно если одна из них — любовь, а другая — боль, которую они не умеют назвать иначе.

Бабушка умерла, когда я был подростком. Я не плакал на похоронах. Не потому, что не любил. А потому, что внутри было пусто. Как будто человек, который покупал мне шоколад и кричал на мою маму, исчез не из жизни, а из памяти — быстро, без следа. Через год я уже с трудом вспоминал её лицо. А запах её рук — тот самый, с примесью старого крема и пирожков — забыл почти сразу.

Я виню себя за это. До сих пор.

Дядя.

Он был сотрудником и даже начальником следственного комитета. Честным. Высоким. Худым. Седым раньше времени — я помню его седым всегда, хотя фотографии говорят, что когда-то он был русый. Он много курил. Я помню запах табака, который въелся в его пальцы насквозь, в его одежду, в его машину. Когда я садился в неё, я сначала задыхался, а потом привыкал и уже не замечал.

Ему было тяжело из-за его честности. Я не знал тогда, что это значит, но видел: он возвращался домой уставшим не физически, а как-то глубже. Как будто каждый день отнимал у него маленький кусочек того, во что он верил. Он не рассказывал про работу. Никогда. Только однажды, когда я спросил, почему он такой грустный, он сказал: «Потому что люди делают плохие вещи, а я не могу их остановить. Только наказать. Но наказание не возвращает то, что они отняли».

Я не понял тогда. Понимаю теперь.

Со мной он был другим. Твёрдым, но добрым. Он учил меня играть в шахматы. Мы садились за стол — он наливал себе чай, чёрный, крепкий, без сахара, а мне наливал молоко — и начинали партию. Он не давал мне выигрывать. Никогда. Но после каждого проигрыша

он разбирал со мной ошибки. «Смотри, — говорил он, двигая фигуры обратно. — Если бы ты пошёл слоном сюда, а не конём, у тебя была бы атака. Пешка — это не просто пешка. Пешка — это тот, кто доходит до конца».

Я смотрел на доску и не понимал, о чём он. Просто двигал фигуры. А он смотрел на доску так, будто там был написан какой-то важный текст, который он не мог прочесть вслух. Или не хотел.

Он научил меня не сдаваться. «В шахматах, — говорил он, — сдаются только когда мат неизбежен. Но до этого момента ты ищешь выход. Всегда есть выход. Даже если ты его не видишь».

Я вспоминаю эти слова сейчас, когда стою посреди своей внутренней библиотеки и не знаю, с какой полки начинать.

Крёстный.

Он был молодым и весёлым. Я не знаю, почему его выбрали в крёстные — может быть, потому что он был другом семьи, а может, потому что мама хотела, чтобы у меня был хоть кто-то, кто не ругается. Он появлялся на праздниках с большими пакетами, из которых пахло чем-то новым — пластиком, типографской краской, чужими городами.

Он дарил подарки. Не «полезные», не «которые пригодятся», не носки и не дневники. А настоящие — те, которые хочется разворачивать медленно. Игрушки. Конструкторы. Книжки с картинками. Однажды он подарил мне радиоуправляемую машину — я не мог поверить, что такое возможно. Я бегал с ней по всей квартире, пока мама не сказала, что батарейки сядут.

Я ждал его. Не подарков — а его смеха. Он смеялся так, что у него начинали дрожать плечи, и в этот момент казалось, что мир не такой тяжёлый, каким его делали взрослые. Он мог рассказывать глупые истории, строить рожицы, играть со мной в догонялки — и ему было всё равно, что скажут другие. Он был живым. Настоящим. Не запертым в своих долгах, не задавленным прошлым, не сломленным работой.

Потом мы переехали в другую страну, и крёстный исчез из моей жизни. Не ссорились. Не прощались. Просто расстояние стало слишком большим, а потом и время. Сейчас я помню его только как пятно света — яркое, тёплое, но без деталей. Даже лица не помню. Помню смех. И плечи, которые дрожали.

Три фигуры. Три способа быть рядом.

И одна фигура, которой не было никогда — отец.

Я не спрашивал о нём. Однажды, когда я был совсем маленьким, я спросил маму: «А где папа?» Она посмотрела на меня так, будто я спросил, как открыть дверь в комнату, которой не существует. Потом сказала: «Его нет». И всё. Я не переспрашивал. Я понял: этот вопрос открывает дверь, за которой нет ничего, кроме тишины. И я перестал её открывать.

Но тишина была. Она жила в каждом переезде, в каждой съёмной квартире, в каждом разговоре, где другие дети упоминали «папу». В детском саду воспитательница спросила: «А что твой папа делает?» Я сказал: «Он космонавт». Я не знаю, почему я это сказал. Может быть, потому что космонавты далеко и их не видно, а значит, никто не сможет проверить. Я врал про отца много лет. Всем. Иногда — себе.

Часть третья. Библиотека как побег

Где-то между переездами и ссорами, между запахом мокрого асфальта и маминым голосом, который становился тоньше от крика, появилась библиотека.

Обычная городская библиотека. Не та, из будущего, с мраморными полами и трёхэтажными шкафами. Другая. Маленькая. С облупившейся краской на дверях и скрипучими половицами, которые пели под ногами. Она находилась в старом здании на окраине — я добирался туда двадцать минут пешком через дворы и пустырь. В дождь пустырь превращался в болото, и я приходил в библиотеку с мокрыми ботинками и чувством, что выжил в маленьком походе.

Библиотекарша — женщина с седыми кудрями, в очках на золотой цепочке и с тихим голосом, который будто боялся потревожить книжную пыль — сначала удивлялась, что я прихожу один. «А где мама?» — спрашивала она. «На работе», — отвечал я. Это было правдой. Мама действительно была на работе. Или в долгах. Или просто не могла смотреть на меня лишний час, потому что каждый мой взгляд напоминал ей о чём-то, что она хотела забыть.

Потом библиотекарша перестала спрашивать. Она начала откладывать для меня журналы, которые только привозили. «Ты читаешь, как пьёшь воду», — говорила она. Я не понимал, что это значит, но мне нравилось. Значит, я делал что-то правильно.

Библиотека была моей второй комнатой. Только там никто не ругался. Там не было долгов. Там не надо было собирать чемоданы. Там можно было сидеть в углу, на продавленном кожаном кресле, брать с полки любую книгу и исчезать. Исчезать по-настоящему, так, что мир вокруг переставал существовать. Я не слышал ни скрипа половиц, ни голоса библиотекарши, ни дождя за окном. Я был внутри истории.

Я читал всё подряд.

Научные выписки про робототехнику. Я мечтал собрать робота, который бы делал за меня домашнюю работу. Или хотя бы сидел со мной по ночам и не давал мне чувствовать себя таким одиноким. Я представлял, как он будет тихо жужжать, перебирать проводами, а я буду лежать на кровати и смотреть на него. Робот не ругается. Робот не устаёт. Робот не уходит в другую комнату, чтобы заплакать в подушку.

Журналы «Простоквашино». Я уже не помню, о чём они были — годы стёрли текст, картинки, даже героев. Но помню ощущение: светлое, тёплое, с оттенком деревенского лета, которого у меня никогда не было. Домик в деревне. Кот, который умел разговаривать. Мальчик, у которого всё было хорошо. Я перечитывал эти журналы по несколько раз, потому что они были единственным местом, где мир был устроен правильно.

Развлекательные журналы с лабиринтами и загадками. Я проходил лабиринты пальцем — от входа до выхода, не отрываясь, — и радовался, когда упирался в финиш. В этих лабиринтах не было тупиков, из которых нельзя выбраться. В отличие от реальности.

Толстые книги про путешествия, которые я не мог осилить до конца — слишком много слов, слишком мало картинок, — но носил с собой, потому что они пахли по-особенному. Запах старой бумаги, типографской краски, чьих-то рук, которые перелистывали эти страницы до меня. Я вдыхал этот запах и чувствовал себя частью чего-то большого. Того, что не ругается и не уходит.

Было одно место. Дальняя полка, у самого окна, где почти никто не ходил. Там лежали журналы за прошлые годы — потрёпанные, с вырванными страницами, с рисунками, раскрашенными чьим-то детским карандашом. Я садился на пол, прислонялся спиной к шкафу и читал. Иногда я читал одно и то же по пять раз. Не потому, что не запоминал. А потому, что хотел, чтобы это никогда не кончалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.